Содержание

Часть первая. До. 1906–1917

Глава первая 10
Петербург 10
Тюрьма и после 12
Появление Елены Гуро 14
Еще о Гуро и минуте 16

Глава вторая 20
Гуро + Матюшин = ... 20
Немного о жизни до Гуро 21
Перемена участи 22
Ученик и учителя 24
Гуро, Матюшин и выбор пути 27
О свойствах зрения 30
Сосредоточенность и рассеянность, поражение и победа 33
Другие черты Елены 36

Глава третья 39
Громозова — зритель и персонаж 39
Последняя поездка в Уусиккирко 41
Гуро болеет 42

Глава четвертая 45
Придворный оркестр 45
Матюшин обращается в канцелярию 47

Глава пятая 50
Гуро умирает 50

Глава шестая 54
В опустевшей квартире 54
Съезд 58

И еще через месяц . . . 61
Первое появление Бонча . . . 63
Как Громозова была Девой Марией . . . 66
Отец и его дети . . . 69
Некоторые итоги . . . 75

Часть вторая. После. 1938–1955

Глава седьмая . . . 78
Громозова примеривается . . . 78
Не частное лицо . . . 80
Громозова и подрастающее поколение . . . 82
Наташа, Галя и Кирилл . . . 85
Испытания . . . 88
Видение в трамвае . . . 93
Опять Громозова . . . 94

Глава восьмая . . . 96
Новые соседи . . . 96
Общая картина и спектакль . . . 97
Продолжение в письмах . . . 99
Тарасенков . . . 105

Отступление о том, что за писатель была Громозова . . . 112
Блокадный дневник . . . 112
Партийная организация и партийная литература . . . 114

Глава девятая . . . 120
«Странные сближенья» . . . 120
Бонч-Бруевич до и после войны . . . 123
Бонч и литература будущего . . . 124
Скрытое и явное . . . 126

Глава десятая . . . 130
Громозова говорит правду . . . 130
Прокофьев . . . 134
Кочетов . . . 138

Стейнбек 140
И еще два ее гостя 145
Галина Гампер 151

Отступление о заботах молодого писателя 156
Письмо наверх 156
Вишенка на торте 158
Редактор читает Громозову 160
Союзы, наречия и оговорки 163
Киров на озере и Сталин среди ржи 165
Громозова и непроливайки 168

Глава одиннадцатая 171
Екатерина Гуро и магнитофон 171

Глава двенадцатая 182
Харджиев и осада вдовы 182
Переписка 185
Харджиев наедине с собой 188
Громозова и осада издательства 192

Часть третья. До. 1913–1945

Глава тринадцатая 200
Могила Гуро 200
Вечера памяти Гуро 203
Спектакль, зрители и коммунальная квартира 205
И еще похороны 208
Как хоронили Матюшина 210
Жизнь после похорон 212

Эпилог. До и после. 1945–2024 216

P. S. 222

Слушай, ты, безумный искатель,
мчись, несись,
проносись, нескованный
опьянитель бурь.

Елена Гуро

Бедная красивая барышня — она не умела летать!..

Елена Гуро

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДО. 1906–1917

Глава первая

Петербург

Все начинается — век, жизнь Ольги Громозовой. Много лет назад для таких барышень Петр создал Петербург. Уж очень ему хотелось, чтобы они удивлялись. Не только прямым улицам и прекрасным зданиям, но буквально всему, что встречается на пути.

Кто-то впервые увидел автомобиль, а Ольга узнала, как выглядит помидор. Сперва она решила, что это сорт капусты. Когда разобралась, представила натюрморт. Вот бы красное смешать с белым и зеленым! Прежде чем съесть, хорошо бы это нарисовать.

Приятно думать о помидорах и знакомстве с художниками, но сейчас это не главное. В Петербург Громозова приехала не развлекаться, а поступать в Женский медицинский институт.

Институт даст ей ощущение своих прав. Только земский врач и Государь Император могут сказать: «Это не совет, а приказ». При этом так сверкнуть глазами, что все покорно опустят головы.

Все бы так и было, если бы Ольгу приняли. Лучше бы ее экзаменовал Петр! Его бы устроило ее неведение, а у комиссии возникли вопросы. Ей предложили позаниматься еще и поступать на следующий год.

Раз ты оказалась в Питере, то как расстаться с этим городом? Не повезло с одним, может выйдет с другим? Почему бы ей не попробовать добиться счастья для всего человечества?

Да, так и только так. Вот бы еще дальние цели совместить с ближними! Хотя бы с самым скромным жалова-

ньем. Чтобы что-то есть и где-то жить, Громозова поступила продавщицей в книжную лавку.

Впрочем, не только для этого. Лавка — это практически библиотека. Читаешь целыми днями. Ненадолго отвлечешься на покупателя, а потом опять зарываешься в книгу.

Так Ольга проштудировала все медицинские издания и еще с десяток философских. В некоторых из них рассказывалось, как можно поучаствовать в истории.

Опять ей что-то мерещилось. Разве она хуже Гавроша, да и прилавок — чем не баррикады? Тут проходит граница, отделяющая мир, принадлежащий книгам, от мира, где они составляют меньшинство.

Вскоре у нее появились новые знакомые. Сперва они к ней присматривались, а потом дали задание. По городу разбросано много явок, и ей поручалось их контролировать.

Выглядело это так. Приходит покупатель, разглядывает новинки. Для большего правдоподобия может что-то купить. Затем они остаются наедине, и она сообщает адрес конспиративной квартиры.

Дальше сценарий известный. Надо незаметно войти в дом и так же тихо его покинуть. Стать усатым извозчиком или бородатым торговцем фруктами и какое-то время существовать в этой роли.

В общем-то, рисковали все. Ольга не меньше, чем тот, кто изображал покупателя. Он мог оказаться тем, кто скрывается от полиции, и тем, кто в полиции состоит.

Громозову раздражало, что все происходит медленно. Революционеров много, но революция все время откладывается. Чтобы ускорить события, Ольга перешла к более действенным средствам.

Теперь она заворачивала не книги, а нечто пообъемнее. Да что тут сравнивать! Книгочей еще не дочитает страницу, а карета со всем содержимым уже взлетела на воздух.

Заметьте, все это один человек. Ольга беседует о литературе, помнит десятки явок и делает гремучие смеси. Совсем некогда посмеяться и пококетничать. Имеет она право улыбнуться лишний раз? Хотя слово «революционер» мужского рода, но невидимые лучики ей к лицу.

Тюрьма и после

Громозовой представлялось что-то вроде брюлловской «Гибели Помпеи». Входишь в картину и оказываешься среди голых торсов и воздетых рук. Вот почему, когда ее арестовывали, в голове мелькнуло: это то самое!

Видно, что-то не разглядела. Из-за этого не распознала шпика, а тот сообщил куда следует. Взяли ее прямо у прилавка. За минуту до этого она расхваливала покупателю новую книгу Горького.

Опасно политическому оказаться вместе с уголовниками. Неровен час распропагандирует. Поэтому ее определили в одиночку. Монологи тут произносить не перед кем, а фантазируешь вволю. Представляешь, как к власти приходит кто-то из покупателей лавки.

Времена, конечно, не лучшие, но не самые злостные. Находящиеся под надзором могут покидать Петербург. После тесной камеры хочется простора. Вот почему Горький начал пьесу в Петропавловке, а заканчивал в Ялте.

Кстати, пьеса называлась «Дачники». Что только не придет в голову заключенному! Возможно, Алексей Максимович сперва представил летний день, себя в компании отдыхающих, а затем прибавил сюжет.

Пока Ольга не пишет и писать не намерена. Да и для чего еще одни «Дачники»? Лучше отправиться в Уусикирко и почувствовать себя горьковской героиней.

Финляндия — небольшая страна, но здешних далей хватит на всех. Куда ни посмотришь — края не видно. Даже лес тут не темный, а светящийся, весь пронизанный солнечными лучами.

Уусиккирко — давняя любовь семейства Гуро. Елена еще не приехала, но здесь ее старшая сестра Екатерина. Она решила «прогулять» Ольгу, а заодно кое-что с ней обсудить.

Дело в том, что Екатерина тоже тяготеет к острому и обжигающему и недавно посидела в тюрьме.

Часто не знаешь, что найдешь. После тюрьмы Екатерину сослали в Вятку, а здесь жила Громозова. Вряд ли библиотекарь читальни при Кожевенном заводе уже думала о революции, но старшая Гуро ей все объяснила. Подготовила к работе в подполье и последующему аресту.

Обычно после зимы отдыхающие редко улыбаются, но девушки были настроены позитивно. Такое, согласитесь, выпадает не всем. Несколько месяцев за решеткой — это уже биография.

В Уусиккирко позволено то, что запрещено в Петербурге. На Невском не покричишь, а тут — пожалуйста. Да и темы любые. Моды и скандалы их не интересуют, а о революции они говорят с воодушевлением.

Что это за зверь такой, пока не очень ясно, но это не мешает разговаривать громко и бурно жестикулировать.

От всех прочих «идейные» отличаются тем, что мыслят слишком прямо. Ничто, даже финские красоты, их не отвлекут от главного. Сейчас они хотят понять, что будет через ритуальные чеховские «сто, двести лет».

Как уже сказано, Ольга из мечтательниц. А тут еще чистый воздух, голоса птиц, всюду мелькающие белочки. Они не отделяют себя от людей. Можно протянуть руку и погладить коричневую шкурку.